ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЕ О РЕКТОРѢ ТВЕРСКОЙ ДУХ. СЕМИНАРІИ, ВЪ ПОСЛѢДСТВІИ АРХІЕПИСКОПѢ КАЗАНСКОМЪ, АѲАНАСІѢ [а].

Тридцатые годы текущаго девятнадцатаго столѣтія достопамятны для тѣхъ, которые въ это время имѣли счастіе учиться въ Тверской духовной семинаріи. У всякаго изъ учившихся тогда навѣрно остался въ памяти образъ бывшаго въ эти годы начальникомъ ея архимандрита Аѳанасія. Это былъ человѣкъ неутомимый въ трудахъ, прямой и открытый въ своихъ дѣйствіяхъ, требовавшій отъ подвѣдомыхъ ему рачительнаго и неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей, къ худымъ довольно строгій, къ хорошимъ милостивый, щедродательный и благосердый, умѣвшій поощрять таланты, въ высшей степени благочестивый и нестяжательный.

За нравственностію ввѣренныхъ его попеченію онъ строго слѣдилъ, и, смотря по проступку, всегда принималъ самыя дѣйствительныя и рѣшительныя мѣры для обращенія человѣка на путь истины и добродѣтели. Дойдетъ ли напримѣръ до его свѣдѣнія, что какой-нибудь ученикъ дозволилъ себѣ нескромность въ классѣ при наставникѣ или даже безъ него, онъ призоветъ этого ученика, и сдѣлаетъ такое наставленіе, которое не изгладится изъ памяти во всю жизнь. Попадется ли кто-нибудь въ нетрезвомъ видѣ, заставитъ ходить къ себѣ цѣлый мѣсяцъ и вымаливать прощеніе; и если увидитъ искреннее раскаяніе, проститъ, и послѣ строго слѣдитъ, дѣйствительно ли онъ отъ чистаго сердца раскаялся, или только притворствомъ хотѣлъ обмануть. Въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно какъ паршивую, могущую заразить все стадо овцу, отдѣлитъ виновнаго, исключивъ изъ семинаріи. Но всего строже взыскивалъ, когда замѣчалъ въ ученикѣ нескромное стояніе въ церкви—разговоры, смѣхъ или что-нибудь подобное. Не забыть мнѣ одного случая въ этомъ отношеніи. О. Аѳанасій, читая проповѣдь ученика на текстъ: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ*, и замѣтивши, что она списана—и неумѣючи, шутя замѣтилъ ему: „вотъ и ты три, а можетъ быть и четыре ночи удилъ, но почти

(а) Воспоминанія о немъ см. въ Душ. Чт. 1868 г. ч. II, стр. 25—49; 200—215; 322—341. Ч. III отд. 2-й, стр. 82—88.

ничего не выудилъ". Это было въ субботу, а въ воскресенье другой ученикъ, у котораго проповѣдь изъ того же самаго текста вышла удачною, говорилъ ее въ церкви. Одинъ товарищъ его, бывшій свидѣтелемъ вчерашней сцены и мѣткой замѣтки о. Аѳанасія, при произнесеніи проповѣдникомъ текста, вспомнивши замѣчаніе начальника, не могъ удержаться отъ смѣха. Это замѣтилъ о. инспекторъ семинаріи (въ настоящее время архангельскій архіепископъ) Наѳанаилъ и донесъ ему. Какимъ негодованіемъ закипѣлъ онъ, когда услыхалъ о семъ! Призвавши ученика, прочиталъ ему цѣлую проповѣдь, съ какимъ благоговѣніемъ, страхомъ и трепетомъ мы должны стоять во храмѣ предъ лицомъ Господа, Котораго трепещутъ, и предъ Которымъ трясутся даже многоочитые Херувимы и шестокрылатые Серафимы, и до какой степени оскорбительны и непріятны для Бога смѣхъ, разговоры и тому подобное въ церкви, какъ благодатномъ и таинственномъ жилищѣ Господнемъ! И чтобы возбудить въ немъ искреннее раскаяніе и сознаніе тяжести проступка, посадилъ его на нѣсколько времени въ карцеръ.

Строгія замѣчанія дѣлалъ, если какой-нибудь, изъ посвященныхъ въ стихарь, ученикъ, по забывчивости или по какому-либо другому обстоятельству, для произнесенія проповѣди надѣвалъ стихарь безъ его благословенія. Такъ одному ученику назначено было сказать проповѣдь при отпѣваніи умершаго товарища. Онъ вошелъ въ алтарь, когда о. Аѳанасій для совершенія отпѣванія былъ уже среди церкви. Идти за благословеніемъ въ виду всѣхъ, ученику показалось неловкимъ, а между тѣмъ нашлись люди, которые посовѣтовали надѣть стихарь безъ благословенія. Онъ и надѣлъ. Но когда настало время говорить проповѣдь, и когда этотъ ученикъ подошелъ къ о. Аѳанасію для испрошенія благословенія на произнесеніе ея, онъ съ сильнымъ негодованіемъ началъ выговаривать ему: „кто тебѣ дозволилъ надѣть стихарь? Какъ ты смѣлъ одѣться въ него безъ благословенія? За это я не дозволяю тебѣ говорить!"—Впрочемъ видя его безмолвность, и безъ сомнѣнія предполагая въ немъ сознаніе имъ ошибки, разрѣшилъ произнести проповѣдь.

Сильнымъ негодованіемъ воспламенялся и тогда, когда случалось кому-нибудь проговориться предъ нимъ. Навсегда врѣзалось въ моей памяти одно обстоятельство, случившееся со мною самимъ. Разъ былъ я у него, вмѣстѣ съ другими товарищами, подъ одинъ воскресный день съ

проповѣдію; проповѣди онъ имѣлъ обыкновеніе читать всегда въ ночи наканунѣ дня назначенія. Помня слова Ангела, представшаго къ языческому сотнику, Корнилію, и сказавшаго, что молитвы и милостыни его взошли на память предъ Бога, и слова апостола Петра: *во всякомъ языцѣ боящійся Бога и дѣлающій правду пріятенъ Ему есть*, я имѣлъ несчастіе въ проповѣди проговориться, будто можно спастися и безъ вѣры въ Іисуса Христа. Надобно было видѣть, какъ онъ вспыхнулъ при этихъ моихъ словахъ! „Ты считаешь возможнымъ спасеніе и безъ вѣры въ Іисуса Христа! Ты еретикъ!—Съ этими словами сообразилъ ли послѣдующія слова, сказанныя Корнилію тѣмъ же самымъ Ангеломъ, которыми повелѣвалось ему призвать апостола Петра? Для чего Корнилію нуженъ былъ апостолъ“? Я сталъ соображать, и увидѣлъ, что сильно обмолвился; отъ искренняго сердца сознался въ своей обмолвкѣ, и сказалъ: „еслибы дѣйствительно одной молитвы и милостыни достаточно было для спасенія, не для чего было бы Ангелу повелѣвать Корнилію призвать апостола Петра“. Это искреннее съ моей стороны сознаніе своей ошибки и заставило о. ректора остановить себя и кончить только запискою объ этомъ къ наставнику, у котораго я былъ въ отдѣленіи. Наставникъ же, по прочтеніи моей проповѣди выговоривши мнѣ за такую неосторожность, для поправленія ошибки велѣлъ написать, о невозможности безъ вѣры въ Іисуса Христа спасенія разсужденіе, удовлетворительнымъ сочиненіемъ котораго и кончилось все дѣло. Впрочемъ надобно думать, это обстоятельство было причиною несогласія о. ректора послать меня въ Академію, хотя мой наставникъ находилъ меня достойнымъ того и настаивалъ на отправленіи меня въ Академію.

Проговаривались при немъ и наставники семинаріи. Помню, одинъ профессоръ въ присутствіи его дозволилъ себѣ провести такую мысль, что изреченія Господни о блаженствахъ не имѣютъ внутренней связи, и что они высказаны Спасителемъ безъ порядка, или безъ послѣдовательности. Вслушавшись въ это, съ какимъ жаромъ и негодованіемъ сталъ онъ доказывать, что въ нихъ находится самая тѣсная связь и самая строгая послѣдовательность! И когда послѣ объясненія профессоръ поклономъ показалъ свое согласіе на его мысли, и слѣдовательно сознался свою ошибку, онъ въ пылу горячности повторилъ свое изъясненіе нѣсколько разъ, и насилу успокоился, такъ что будь на мѣстѣ этого профессора другой съ болѣе пылкимъ харак-

теромъ, то едва ли бы у него достало силъ вынести вспыльчивость его.

Любилъ поспорить и о такихъ предметахъ, о которыхъ можно говорить и такъ и сякъ. Помню одинъ продолжительный, простиравшійся два слишкомъ часа споръ его, съ проговорившимся относительно изреченій Господнихъ о блаженствахъ профессоромъ касательно звѣзды, явившейся волхвамъ, именно—какъ понимать ее: была ли она въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь обыкновенная звѣзда, или это было не что иное, какъ Ангелъ явившійся въ видѣ звѣзды? Профессоръ доказывалъ, что это была звѣзда, только по особенному устроенію Божію имѣвшая необыкновенное теченіе отъ востока къ западу, а онъ второе; такъ какъ эта звѣзда имѣла свое пребываніе не въ звѣздномъ небѣ, а въ нижнихъ частяхъ атмосферы, иначе направленіе ея не было бы замѣтно волхвамъ. Но не могли переспорить другъ друга, и каждый остался при своей мысли; потому что тотъ и другой между прочимъ основывалъ свои мнѣнія на мнѣніяхъ святыхъ отцовъ—Григорія Нисскаго, Θеофилакта, Златоуста и другихъ.

При строгомъ преслѣдованіи проступковъ ученическихъ, случалось, однако, онъ и снисходилъ имъ, если видѣлъ при этомъ въ дѣйствіяхъ учениковъ что-нибудь и хорошее, или если ученикъ дозволилъ себѣ то или другое по простотѣ. Разъ—это было въ день лѣтняго празднества святителю Арсенію—проѣзжая изъ Желтикова монастыря, онъ встрѣтилъ на дорогѣ одного ученика богословія не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ, окруженнаго толпою мужичковъ. На другой день, призвавши его, спросилъ: что ты дѣлалъ вчера съ крестьянами? Тотъ отвѣчалъ: разсказывалъ имъ изъ священной исторіи, изъ жизнеописаній святыхъ мужей, и между прочимъ разъяснилъ, какъ должно проводить праздники. „Ну! за это, сказалъ о. Аѳанасій, я прощаю тебя, хотя бы и слѣдовало взыскать за нетрезвость."—Другой случай. Въ ночь на одно воскресенье, по обыкновенію, собрались къ нему ученики съ проповѣдями, назначенными имъ на этотъ воскресный день. О. Аѳанасій сталъ читать ихъ. Почитавши нѣсколько и почувствовавши утомленіе глазъ, онъ пошелъ въ кабинетъ, вышелъ оттуда уже съ зеленымъ козырькомъ на глазахъ, и сталъ опять читать. Въ это время одинъ изъ учениковъ засмѣялся. О. Аѳанасій замѣтилъ, и спросилъ: чему ты смѣешься? Тотъ смолчалъ, а о. Аѳанасій опять началъ продолжать чтеніе. Но увидѣвши ученика смѣющимся въ другой разъ, онъ

вышелъ изъ себя, и сталъ требовать отъ него настоятельно объясненія причины смѣха. Ученикъ въ простотѣ сердца отвѣтилъ ему: „отецъ ректоръ! какими вы смѣшными кажетесь въ этомъ козырькѣ!“ Такой простодушный отвѣтъ, надобно думать, понравился ему; онъ тотчасъ же прекратилъ свой гнѣвъ, и только сказалъ ученику: что ты тутъ нашелъ смѣшнаго? И опять спокойно началъ читать проповѣди. Въ послѣдующее же время этотъ ученикъ пользовался его довѣренностію и любовію, какъ простодушный.

Любилъ также иногда и пошутить. Шутки его были острыя, и если относились къ ученикамъ, всегда клонились къ исправленію чего-нибудь нехорошаго, имъ замѣченнаго. Замѣтитъ ли напримѣръ у ученика слишкомъ общій и отдаленный отъ предмета приступъ къ проповѣди или разсужденію, онъ ему бывало шутливымъ тономъ скажетъ: „Вотъ тебѣ нужно отъ семинаріи идти въ соборъ, а ты вмѣсто того, чтобы идти туда прямо, пошелъ сперва въ заволжскую часть, потомъ въ затверецкую, далѣе въ городовую, и наконецъ пришелъ въ соборъ, обошедши уже всю Тверь. Таковъ точно и твой приступъ къ проповѣди.“ А если ужь проповѣдь слишкомъ дурна, то бывало позоветъ служителя, велитъ ему принести стаканъ полыннаго настоя и дать ученику, сочинившему худую проповѣдь. Когда замѣтитъ, что ученикъ пьетъ полынь поморщиваясь, шутливо скажетъ ему: „вотъ точно также горька для читающаго и написанная тобою проповѣдь.“ Часто шутилъ и съ любимымъ имъ за простоту, но недальняго ума, служителемъ своимъ. Бывало позоветъ его къ себѣ, и попроситъ разстолковать, что́ значитъ: *блаженъ мужъ?* А тотъ разсмѣшитъ его своимъ отвѣтомъ: „ужь и этого-то не знаете вы, о. ректоръ! Конечно тотъ, кто, подвеселившись, блажитъ во все горло на улицѣ.“ Любилъ подшутить и надъ тѣмъ, какъ наши мужички переиначиваютъ иностранныя слова, напримѣръ слово: *Барклай-де-Толли* превращаютъ въ *Басалай да и только*, а *дилижансъ*—въ *тѣлежансъ*. Гостилъ у него однажды братъ лекарь. Ему нужно было перемѣнить бѣлье, но рубашки не было. О. Аѳанасій, вѣроятно, предлагалъ ему надѣть свое бѣлье, но тотъ, надобно думать, затруднялся надѣть его длинную монашескую рубашку. Тогда о. Аѳанасій велѣлъ служителю принести топоръ, и когда онъ принесъ, взялъ свою рубашку, обрубилъ топоромъ, и, давши брату, сказалъ: вотъ и рубашка готова!

Особенно же шутливый и веселый характеръ его высказывался во время такъ называемыхъ рекреацій, бывавшихъ въ тѣ времена. Здѣсь онъ являлся вполнѣ, какъ отецъ съ дѣтьми, дозволялъ себѣ шутить съ учениками, и принималъ участіе въ ихъ играхъ. Ученики въ это время могли рѣзвиться какъ хотѣли; впрочемъ наблюдалось, чтобы рѣзвость была благопристойная. Хоръ семинарскихъ пѣвчихъ почти неумолкаемо пѣлъ концерты, или духовные гимны; свѣтскихъ же пѣсенъ ни подъ какимъ предлогомъ не дозволялъ пѣть, хотя профессора и упрашивали позволить. Профессорамъ и другимъ посѣтителямъ, бывавшимъ при этихъ случаяхъ, предлагалось хорошее угощеніе. Да! эти рекреаціи для насъ были блаженными временами. Память объ нихъ, объ отцовскомъ вполнѣ во время ихъ обращеніи о. Аѳанасія у насъ сохранится навсегда до гробовой доски.

Въ обращеніи былъ чрезвычайно простъ, манеры его и движенія тѣлесныя не имѣли граціозности, такъ что увидѣвшимъ его въ первый разъ и не ознакомившимся съ душевнымъ его настроеніемъ могъ казаться даже грубымъ. Простота обращенія, открытость характера и всѣхъ дѣйствій его показывали, что имъ вполнѣ усвоено евангельское изреченіе Спасителя: *аще не обратитеся, и не будете, яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное.* Эта-та простота, казавшаяся грубостію, была, какъ кажется, причиною, что онъ долго пробылъ и въ ректорахъ, хотя по уму, большой учености и духовной высотѣ ему слѣдовало получить повышеніе гораздо ранѣе. Въ епископы произведенъ былъ уже послѣ того, какъ пробылъ нѣсколько времени ректоромъ С.-Петербургской семинаріи, въ виду у высшаго начальства. Носился слухъ, за достовѣрность котораго я впрочемъ не ручаюсь,- хотя онъ и вѣроятенъ судя по прямому характеру Аѳанасія: когда послѣ посвященія въ санъ епископа онъ явился къ одному знаменитому въ то время сановнику, тотъ сказалъ: „жалко, ваше преосвященство, что такъ долго мы васъ не знали!“ Но что же онъ на это отвѣтилъ?—„Я и очень радъ, что вы не знали“!

Будучи самъ простъ, любилъ простоту и въ другихъ; изъ учениковъ любимцами его были тѣ, въ которыхъ онъ по своему взгляду предполагалъ подобное качество, не обращая вниманія въ такомъ случаѣ даже и на ученіе. Но часто и обманывался. Знаю я двухъ любимцевъ его, изъ которыхъ объ одномъ, по выходѣ его на мѣсто, онъ увидавши объ немъ дѣло въ консисторіи, долженъ былъ ска-

зать: „я думалъ, онъ ангелъ, а этотъ ангелъ мельницы ломаетъ;" другаго же разузналъ еще во время ученія въ семинаріи, но этого строго и наказалъ, исключивши изъ богословскаго отдѣленія.

Ревность его къ исполненію профессорскихъ обязанностей была примѣрна. Когда былъ его классъ, всегда приходилъ ранѣе другихъ наставниковъ. Замѣтно было, онъ не только не тяготился классическими занятіями, но жаждалъ ихъ и никогда не чувствовалъ онъ нихъ усталости. Въ классѣ бывало разговорится такъ, что совершенно какъ будто забывался, не замѣчалъ, что съ нимъ самимъ и вокругъ его дѣлается, не слыхалъ битья звонка, и часто продерживалъ очень долго послѣ него. Особенно любилъ заниматься Священнымъ Писаніемъ. При толкованіи его бывало, прочитаетъ наизустъ двѣ или три главы изъ Исаіи или другаго какого-нибудь пророка и не можетъ оторваться. Положимъ, толкованіе его не всегда было глубокомысленно, но въ то время нельзя было и требовать отъ него многаго по этой наукѣ, потому что эта наука тогда только лишь начинала разрабатываться. Довольно было съ него, что онъ занимался ею съ увлеченіемъ, и разрабатывалъ, сколько могъ, по своимъ силамъ. Ночью никогда не ложился ранѣе трехъ или четырехъ часовъ, и всегда бывало сидитъ обложившись фоліантами.

Занимаясь самъ съ полною охотою, онъ требовалъ и отъ подчиненныхъ ему наставниковъ такой же ревности, и съ тѣхъ, которые или поздно приходили въ классъ, или иногда и совсѣмъ опускали, строго взыскивалъ, и въ случаѣ неисправимости заставлялъ оставить свой постъ. Усердныхъ же напротивъ и трудолюбивыхъ наставниковъ старался поощрять, имѣя ихъ въ особенномъ уваженіи, почтеніи и любви. Впрочемъ, какъ у человѣка, были, разумѣется, въ этомъ отношеніи ошибки и слабости.

Отъ этого неутомимой дѣятельности человѣка можно было ожидать того, что писали объ немъ въ Вѣдомостяхъ, когда былъ Томскимъ епископомъ. Онъ, читалъ я тамъ, объѣхалъ всю обширную Томскую епархію, совершая путешествіе по рѣкамъ въ лодкѣ и на плотахъ, по сушѣ пѣшкомъ и верхомъ, то взбираясь на крутизны утесовъ, то спускаясь съ нихъ около пропастей, гдѣ одинъ невѣрный шагъ могъ стóить жизни. И это онъ дѣлалъ съ цѣлію проникнуть для проповѣди евангельской къ дикарямъ, отъ которыхъ, несмотря на свой санъ, ему часто случалось встрѣчать и непріятности за сіе святое дѣло. Спус-

кался также, какъ я слышалъ, и къ узникамъ въ подземелье для благовѣствованія имъ радости воскресенія Христова, для христосованія съ ними въ пасхальное время.

Таланты и трудолюбіе учениковъ всегда цѣнились имъ и даже щедро награждались. Найдетъ ли у ученика отличное сочиненіе, онъ, одобривши его, прибавитъ: тебѣ надобно прозываться не Грязнымъ, а золотымъ. За сочиненія, признанныя самыми лучшими и удостоенныя чтенія въ публичныхъ засѣданіяхъ, онъ бывало давалъ ученикамъ по пяти и по десяти рублей. Понравится ли отвѣтъ какого-нибудь ученика на экзаменѣ, даетъ ему пять рублей. Особенно часто давалъ деньги ученикамъ за хорошіе отвѣты по еврейскому языку, желая побудить насъ къ занятію имъ.

Аѳанасій служилъ примѣромъ почтительности къ высшимъ. Очень хорошо помню, какъ онъ благоговѣйно и смиренно велъ себя въ присутствіи, бывшаго въ то время тверскимъ преосвященнымъ, Григорія. Съ какимъ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ выходящимъ изъ устъ его словомъ! По всему видно было, что онъ высоко чтилъ его, а чрезъ это и для насъ служилъ прекраснымъ образцомъ и нагляднымъ примѣромъ почтенія и уваженія къ начальству.

Глубокое благочестіе Аѳанасія проявлялось во всемъ. Вечеръ каждой субботы употреблялъ для покаянія въ содѣланныхъ имъ грѣхахъ. Объ этомъ съ достовѣрностію можно заключать изъ того, что нѣкоторымъ ученикамъ, являвшимся къ нему по какой-нибудь нуждѣ вечеромъ въ субботу, нѣсколько разъ доводилось заставать его сидящимъ съ скрещенными на груди руками предъ изображеніемъ Распятія, и проливающимъ горькія слезы. Эти проливаемыя предъ Распятіемъ слезы что другое могли выражать, если не приносимое имъ покаяніе во грѣхахъ, за которые Господь излилъ Свою драгоцѣнную кровь на крестѣ и умеръ позорною смертію? За всенощными бдѣніями, въ зимнее время на воскресные и праздничные дни отправлявшимися въ зданіяхъ семинарскихъ, его всегда можно было видѣть стоящимъ подобно вкопанному, со взоромъ, обращеннымъ горѣ, а иногда и съ глазами полными слезъ. Поемое и читаемое на всенощныхъ бдѣніяхъ слушалъ со всѣмъ вниманіемъ, а если ученикъ, которому, какъ чередному, случалось отправлять чтеніе въ тотъ или другой день, читалъ худо или невѣрно, переиначивая слова, то строго взыскивалось съ него. Но очевиднѣе для всѣхъ высокое благочестіе его выказывалось, когда онъ самъ отправлялъ богослуженіе. Литургіи онъ никогда не

могъ служить безъ слезъ; бывало такъ зальется ими, что голосъ у него замиралъ, и въ возгласахъ его происходили довольно значительные перерывы. Особенно безъ глубокаго умиленія и плача не могъ произносить словъ, которыми Спаситель предлагаетъ намъ въ таинственную пищу и питіе Свое Святѣйшее Тѣло и Свою драгоцѣнную Кровь, и послѣ которыхъ испрашивается всеосвящающая благодать Святаго Духа на предложенные честные Дары.

Своими высокими достоинствами онъ заслужилъ всеобщую привязанность къ себѣ жителей города Твери. Въ рѣдкой церкви въ Твери онъ не служилъ по приглашенію въ храмовой праздникъ той или другой. Самые знатные члены тверскаго общества искали его знакомства, и считали за особенное счастіе пользоваться его бесѣдою и наставленіями. Не проходило мѣсяца, а можетъ быть и недѣли, чтобы не побывалъ у него губернаторъ, въ то время бывшій, города Твери, и не бесѣдовалъ съ нимъ по три, и иногда и по четыре часа.

Нимало не удивительно послѣ этого, какъ писали объ немъ, что онъ заслужилъ такую же любовь и въ жителяхъ города Иркутска, въ бытность свою тамъ архіепископомъ, несмотря на кратковременное служеніе въ этой епархіи. Почетные граждане и люди именитые этого города,—писали объ немъ изъ Иркутска,—по сильной привязанности провожали его до ста верстъ, когда отправлялся по назначенію архіепископомъ въ Казань. Да и въ Казани, какъ я слышалъ отъ тамошнихъ жителей, онъ успѣлъ возбудить къ себѣ любовь и уваженіе; здѣсь, по словамъ одного заслуживающаго своею образованностію вѣроятіе человѣка, показалъ даже и опытъ прозорливости. Бывши на обѣдѣ у одного купца, онъ отказался ѣсть поданнаго ему леща. Когда же хозяинъ началъ усильно упрашивать покушать его, преосвященный Аѳанасій сказалъ: я не могу ѣсть его, онъ проклятъ. Слова эти сильно удивили хозяина, но преосвященный велѣлъ позвать готовившаго леща повара, который, павши предъ нимъ ва колѣни, объявилъ, что дѣйствительно, когда этотъ лещъ во время приготовленія укололъ ему руку, онъ проклялъ его, сказавши: будь ты, анаѳема, проклятъ.

Внимательному нельзя было не замѣтить въ немъ великой непреоборимой вѣры въ будущую загробную жизнь, когда читалъ онъ погребальмое Евангеліе, именно когда произносилъ слова: *грядетъ часъ, вонъже вси сущіи въ гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи бла-*

гая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда. Въ чертахъ лица его и въ самомъ тонѣ произношенія этихъ словъ мнѣ представлялось что-то особенное, твердое, непреоборимое.

Ни одного умершаго въ его время изъ учениковъ семинаріи онъ не оставлялъ, чтобы не совершить самому надъ нимъ погребальнаго обряда и не проводить до могилы; и все это старался сдѣлать сколько возможно величественнѣе чрезъ проводы его всѣми учениками семинаріи, произнесеніе проповѣди и нѣсколькихъ рѣчей въ церкви и при самой могилѣ. Совершать погребеніе никогда не могъ безъ слезъ.

О. Аѳанасій былъ человѣкъ нестяжательный въ высшей степени. Получая жалованье за службу при Семинаріи и доходы отъ первокласснаго Калязина монастыря, какъ настоятель его, онъ часто не имѣлъ у себя копѣйки денегъ, и долженъ былъ занимать иногда у служителя своего, или у эконома Семинаріи, встрѣчая отъ нихъ часто и замѣчанія за расточительность и несбереженіе денегъ. Особенно почти постоянно укорялъ его простодушный и любимый имъ за прямоту служитель его; онъ неоднократно говорилъ о. Аѳанасію: „какъ это, о. Ректоръ, вамъ не стыдно просить денегъ у меня—у служителя, который получаетъ въ мѣсяцъ какихъ-нибудь два или три рубля, между тѣмъ какъ вы получаете въ годъ тысячами? Своею расточительностію пожалуй оставите себя безъ рубашки и безъ ряски“. И онъ бывало на это не разсердится, а начнетъ просить еще усерднѣе, ублажая его, и обѣщаясь дать проценты. „Ну! ужь въ послѣдній разъ даю вамъ, о. Ректоръ“,—скажетъ ему служитель и дастъ. А что иногда не было у него ни копѣйки денегъ, это ни мало не удивительно. Сколько онъ раздавалъ денегъ ученикамъ за хорошія сочиненія или отличные экзаменическіе отвѣты! Сколько тратилось ихъ на рекреаціи! Сколько шло на бѣдныхъ чиновниковъ и другихъ лицъ, обращавшихся къ нему за помощію въ несчастныхъ обстоятельствахъ! Сколько употреблялось на выписку книгъ и переплетъ ихъ! Зналъ я переплетчика, о. діакона, который, при большомъ семействѣ, почти только и кормился на деньги, получаемыя отъ него за переплетъ, и называлъ его своимъ благодѣтелемъ. И дѣйствительно для себя онъ, кажется, и тратилъ деньги только на библіотеку; она у него была огромная, состоявшая изъ нѣсколькихъ биткомъ набитыхъ книгами шкафовъ, занимавшихъ всѣ комнаты, кромѣ зала. Не оставлялъ конечно безъ вспомоще-

ствованій и родныхъ своихъ. Не мало также раздавалъ денегъ корпуснымъ ученикамъ за работу въ саду, при немъ устроенномъ и существующемъ донынѣ среди семинарскаго двора.

Тверской семинаріи онъ оказалъ большую услугу, заведши при ней библіотеку, и пожертвовавши для нея съ своей стороны много книгами и деньгами. Въ основаніе ея положилъ толкованіе Евангелія Θеофилактово и Златоустово, да Камень Вѣры Стефана Яворскаго, сдѣлавши на послѣдней книгѣ собственноручно такую надпись: *утвержденіе на Тя надѣющихся! Утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію!*

Вѣчная ему память! Много добраго, полезнаго, назидательнаго и поучительнаго оставилъ онъ въ тверской семинаріи во время осьмилѣтняго ею управленія! Воспоминаніе объ немъ никогда не изгладится изъ сердецъ тѣхъ, которые видѣли это, и умѣли должнымъ образомъ цѣнить. Положимъ, что иногда онъ ошибался, и заходилъ слишкомъ далеко, но ошибался какъ человѣкъ, обложенный слабою, немощною плотію, или какъ человѣкъ, дѣйствовавшій въ духѣ и по понятіямъ своего времени; нравственное же основаніе въ немъ было твердо и непоколебимо. Все показывало въ немъ человѣка съ высокимъ нравственнымъ настроеніемъ и направленіемъ, стремленіе благоугождать Богу, желаніе сообразоваться съ волею и заповѣдями Его, безпрестанное пареніе мыслями къ небесамъ и совершенное отрѣшеніе отъ всего въ этомъ суетномъ и скоропреходящемъ мірѣ. Сердцевѣдецъ Богъ безъ сомнѣнія воздастъ ему за все это сторицей, и упокоитъ его въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова.

Козма Чекалкинъ.